

Юрген Хабермас

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СИСТЕМОЙ И ЖИЗНЕННЫМ МИРОМ В УСЛОВИЯХ ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА

Jürgen Habermas. Das Verhältnis zwischen System und Lebenswelt im Spätkapitalismus. In: J. Habermas. Theorie der Kommunikativen Handelns. 2. Bde. 3, durchges. Aufl.

Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1985, Bd. 2., S.504–522.

© Suhrkamp Verlag, 1981

Перевод к.ф.н. В.И. Иванова

Критическое рассмотрение теории стоимости позволяет включить динамичный процесс накопления, ставший самодостаточным, в модель взаимоотношений, складывающихся между «системой» (экономикой и государством), с одной стороны, и «жизненным миром»* (частной и общественной сферами) – с другой (см. схему 1). Эта модель позволяет избежать односторонне экономистской интерпретации развития общества, сосредоточить внимание на взаимодействии государства и экономики, и таким образом выявить основные характеристики политических систем развитых капиталистических обществ.

В данном разделе я хотел бы: (I) показать те теоретические изъяны, которые мешают марксизму интерпретировать поздний капитализм и особенно *государственное вмешательство, массовую демократию и государство всеобщего благоденствия*; (II) предложить модель, объясняющую компромиссы, присущие структурам позднего капитализма, и внутренние разломы этих структур; (III) еще раз вернуться к роли культуры, к которой так несправедлива марксистская теория идеологии.

I

Государственное вмешательство. Если принять за основу модель, в рамках которой существуют две взаимодополняющие подсистемы (экономика и государство. – *Прим. ред.*), то теория кризисов, будучи сформулированной только в экономических терминах, окажется несостоятельной. Даже если возникающие в рамках системы проблемы вызваны в первую очередь процессом *экономического* развития, неизбежно сопровождаемого кризисами, экономическое неравновесие, возникающее в хозяйстве, может корректироваться благодаря вторжению государства в функциональное пространство рынка. Однако замещение рыночных функций государственными возможно лишь при

* «Жизненный мир» (нем. Lebenswelt) – термин, восходящий к Э.Гуссерлю. Обозначает интерсубъективную и изначально очевидную данность мира, предшествующую его научным тематизациям. «Жизненный мир» носит субъектно-относительный характер применительно как к коллективам, так и к индивидуальным субъектам. (Прим. ред.)

безусловном сохранении суверенных прав частных предпринимателей в области инвестирования. Если бы власть использовалась для *регуляции* процесса производства, то экономическое развитие лишилось бы своей *собственно* капиталистической *динамики*, а хозяйство пришло бы в упадок. Нельзя допустить, чтобы государственное вмешательство нарушало принцип разделения труда между экономикой, зависящей от рынка, и непродуктивным в экономическом отношении государством. Во всех трех основных сферах (военное и организационно-правовое *обеспечение условий существования способа производства; влияние на деловой цикл и забота о развитии инфраструктуры, благоприятствующей воспроизводству капитала*) государственное вмешательство выступает в форме *косвенного* воздействия на граничные условия принятия решений частными предпринимателями, и, в случае необходимости, *предотвращения* или *смягчения* возникающих в ходе его действий побочных эффектов. Движущий механизм хозяйства, управляемого деньгами, диктует именно такой ограниченный способ использования административной власти.

Схема 1. Отношения между системой и жизненным миром с точки зрения системного анализа

Институциональный порядок жизненного мира	Отношения обмена	Опосредованно управляемые системы
Частная сфера	1) $\xrightarrow{M'}$ Рабочая сила \xleftarrow{G} Трудовые доходы 2) \xleftarrow{G} Товары и услуги $\xrightarrow{G'}$ Спрос	Экономическая система
Общественно-политическая сфера	1a) $\xrightarrow{G'}$ Налоги \xleftarrow{M} Организационная деятельность 2a) \xleftarrow{M} Политические решения $\xrightarrow{M'}$ Лояльность масс	Система власти

G – опосредование через деньги
 M – опосредование через власть

Следствием этой структурной дилеммы явилось то, что обусловленные экономикой кризисные тенденции не только подвергаются административному воздействию, смягчаются и приглушаются, но и сами непроизвольно переносятся в административную систему действия. Здесь они могут принимать различные формы: например, конфликта между целями политики в области конъюнктуры и инфраструктуры; перерасхода ресурсов (государственная задолженность); излишнее увлечение бюрократическим планированием и т.д. В то же время, это может привести к выработке новых стратегий преодоления кризиса с целью переноса всей тяжести проблемы назад, в систему экономики. Клаус Оффе пытался объяснить в первую очередь именно этот сложный механизм кризисных процессов, имеющих форму колебаний, переходящих из одной подсистемы в другую или из одного состояния в другое, и маневров по их преодолению (Offe, 1972).

Массовая демократия. Если исходить из модели с двумя системами управления, то есть с помощью денег и власти, то экономическая теория демократии, сформулированная в терминах марксистского функционализма, представляется весьма несовершенной. Сравнивая оба метода управления, мы видим, что власть требует более глубокой институционализации, чем деньги. Деньги укореняются в жизненном мире через институты буржуазного частного права, поэтому теория стоимости может отталкиваться от договорных отношений между наемными работниками и владельцами капитала. Напротив, для осуществления властных полномочий недостаточно создать общественно-правовой аналог организации управления, существующий в экономической системе (я имею в виду законодательное регулирование публичной сферы), помимо этого существует необходимость легитимации господствующего порядка. А в условиях рационального общества, для которого характерна высокая степень индивидуализации субъектов, с нормами, которые стали абстрактными, безусловно позитивными и нуждающимися в подтверждении, и традициями, рефлексивно и коммуникативно размытыми в части требований, предъявляемых к власти, – легитимации можно достичь в основном демократическими методами политического волеизъявления (Habermas, 1976, S.271ff). В этом смысле и организованное рабочее движение, и движения за права граждан преследуют одни и те же цели. В результате процесс легитимации упорядочивается – опираясь на принципы свободы слова и организаций и многопартийной системы – в форме свободных, тайных и всеобщих выборов. Конечно, структура накладывает определенные ограничения на участие граждан в политическом управлении.

Между капитализмом и демократией устанавливаются *тесные*, но напряженные отношения. В этом противостоянии задействованы два противоположных принципа социальной интеграции. Современное общество, исходя из самопонимания, выраженного в принципах демократических конституций, утверждают примат жизненного мира над подсистемами, которые вычленились из их организационных структур. Нормативный смысл демократии сводится к следующей теоретической формуле: интегрированные в *системы* сферы действия должны функционировать, не нарушая целостности жизненного мира, то есть сферы действия должны занимать подчиненное положение по отношению

к *социальной* целостности. В то же время динамика развития капиталистического хозяйства сохраняется только в той мере, в какой процесс накопления активнее процесса потребления. Ограничения, защищающие «жизненный мир», а также требования легитимации, связанные с действиями административной системы, не должны, по возможности, затрагивать движущего механизма хозяйственной системы. Внутренняя логика системы капитализма сводится к следующей теоретической формуле: системно интегрированные сферы действия должны, если потребуется, функционировать даже ценой *технизации* жизненного мира. Системный функционализм Лумана незаметно преобразует этот практический постулат в теоретический, тем самым до неузнаваемости изменяя его нормативное содержание.

Напряженные отношения между капитализмом и демократией, обусловленные конкуренцией между двумя противоположными принципами социальной интеграции, с помощью парадокса описывает К.Оффе: «Капиталистические общества отличаются от всех других обществ не *способом* собственного воспроизводства, то есть *согласованности* принципов целостности и системности общества, но тем, что эта основная для *всех* обществ проблема решается *одновременно* двумя логически взаимоисключающими способами: полным вычлениением, то есть приватизацией производства, и его политизацией или обобществлением. Обе стратегии перекрещиваются и обоюдно нейтрализуются. В результате система неизменно сталкивается с дилеммой: она должна абстрагироваться от нормативных правил действия и смысловых отношений субъектов, и в то же время не в состоянии сделать этого. Политическая нейтрализация сфер труда, производства и распределения утверждается и опровергается одновременно» (Offe, 1979, S.315). Этот парадокс выражается еще и в том, что партии, если они приходят к власти или хотят ее сохранить, должны *одновременно* завоевать доверие масс и частных инвесторов.

Оба императива сталкиваются прежде всего в общественно-политической сфере, где автономия жизненного мира должна быть защищена от действий административной системы. «Общественное мнение», охраняющее жизненный мир, имеет смысл, отличный от точки зрения государственного аппарата, выражающего интересы системы (Luhmann, 1971, S.9ff). Социология политики концентрирует внимание либо на одном, либо на другом, разрабатывая соответственно теорию поведения и теорию систем. В зависимости от выбора используется концепция плюрализма, критики идеологии или авторитаризма. Итак, с одной стороны, общественное мнение, выявленное в процессе опросов, или воля избирателей, партий и союзов считаются плюралистическим выражением общих интересов. При этом общественное согласие рассматривается как *первое звено* в процессе формирования политического волеизъявления и как основа легитимации. С другой стороны, то же согласие считается *результатом* достижения легитимации, или *последним звеном* в процессе обеспечения лояльности масс. Лояльность позволяет политической системе обрести независимость от ограничений, налагаемых принципами автономии частной и общественной сфер жизни. Оба варианта интерпретации ошибочно противопоставляются друг другу как нормативный и эмпирический подходы к

демократии. Фактически же каждая точка зрения затрагивает лишь один аспект массовой демократии. Процесс волеизъявления, происходящий под влиянием партийной борьбы, есть результат и того, и другого: с одной стороны, интенсивного развития коммуникативных процессов формирования ценностей и норм, с другой – организационных усилий политической системы.

Политическая система обеспечивает лояльность масс как конструктивным, так и селективным способом. В первом случае, выдвигая проекты социальных программ на государственном уровне, во втором – исключая из публичных дискуссий определенные темы и сообщения. Последнее достигается с помощью либо социально-структурных *фильтров* доступа к формированию общественного мнения, либо *деформационной* структур общественной коммуникации с помощью бюрократических методов, либо манипулированием потоками информации.

Взаимодействием этих переменных объясняются существенные расхождения между символическими презентациями позиций политических элит и реальными процессами принятия решений в рамках политической системы (Edelmann, 1964; Sears et al., 1980, p.670ff). Этому соответствует и *вычленение роли избирателя*, к которой, в общем, и свелось участие в процессах политического управления. Принятое в результате выборов решение определяет в целом только персоналии руководящего состава, а его мотивы оказываются за пределами дискурсивного контекста, воздействующего на волеизъявление. Такой механизм *нейтрализует возможности* политического участия, которые в правовом отношении открыты для гражданина государства¹.

Государство с развитой системой социальной защиты. Если исходить из модели отношений обмена между формально организованными подсистемами экономики и политики, с одной стороны, и коммуникативно структурированными сферами частной и общественной жизни – с другой, то следует учитывать, что проблемы, возникающие в области общественного труда, переносятся из сферы частной в сферу общественной жизни. И здесь в условиях конкурентно-демократического волеизъявления они превращаются в гарантии легитимации. Социальное бремя классового конфликта, осязаемое, прежде всего, в частной жизни, невозможно удерживать за границами политической сферы. Таким образом, развитая система социальной защиты становится политическим содержанием массовой демократии. Отсюда следует, что политическая система не может полностью освободиться от ориентации граждан на потребление. Она также не в состоянии добиться беспредельной лояльности масс, и поэтому для при-

¹ Все это заходит настолько далеко, что основной эмпирический вопрос, который коренным образом затрагивает нормативное самопонимание массовой демократии, обычно не проникает в обыденное политическое сознание, «...идет ли речь о результате соглашения, которое признается свободным от всякого влияния и тем самым легитимизируется в процессе, протекающем в определенных организационных рамках, или о том, что этот процесс сам порождает пассивную лояльность масс (которые вынуждены в большей или меньшей степени мириться с его институциональными ограничениями), и тем самым укрепляются благодаря создаваемому им самим мнимому демократическому выражению всеобщей поддержки» (Nart und Offe, 1975, S.28).

дания *легитимности* своим действиям должна предлагать государственные и социальные программы, *выполнение которых подлежит контролю*.

Основой реформистской политики стала правовая институционализация коллективных переговоров. Механизм коллективных переговоров, использующий развитую систему государственной социальной защиты, оказался эффективным средством регулирования классового конфликта. Трудовое и социальное законодательство предусматривает надлежащие меры для страхования и обеспечения существования наемных рабочих и уравнивает рыночные позиции более слабых в структурном отношении слоев (наемных работников, арендаторов, потребителей и т.д.). Социальная политика ликвидирует крайние диспропорции и проявления незащищенности, не затрагивая, однако, обусловленного структурой неравенства собственности, дохода и власти. Но государство с развитой системой социальной защиты в своих установках и стремлениях ориентируется не только на достижение социального равновесия с помощью выплаты индивидуальных компенсаций, но и на преодоление и предотвращение неблагоприятных для всего общества ситуаций, например, в областях, связанных с экологией. К подобным действиям по социальной защите относятся меры охраны экологии городов, энергетическая политика и забота о гидроресурсах, защита окружающей среды, а также поддержка здравоохранения, культуры и образования.

Однако политика, направленная на развитие государственной системы социальной защиты, оказывается перед дилеммой. На финансовом уровне она сводится к игре с нулевой суммой между государственными расходами на меры социальной защиты, с одной стороны, и затратами на стимулирование предпринимательства и совершенствование инфраструктуры с целью обеспечения экономического роста – с другой. Дилемма состоит в том, что государство с развитой системой социальной защиты неизбежно переносит непосредственно на жизненный мир как негативные воздействия капиталистически организованной системы занятости, так и дисфункциональные побочные последствия экономического развития, регулируемого процессом накопления капитала. При этом оно не смеет изменить форму организации, структуру и механизм хозяйственного производства. Государство с развитой системой социальной защиты не может нарушать условия стабильности и требования мобильности капиталистического развития именно потому, что вмешательство в систему распределения социальных компенсаций с целью ее корректировки только тогда не вызывает ответных реакций со стороны привилегированных групп, когда оно компенсируется приростом общественного продукта, не затрагивающим распределения уже имеющегося богатства. В противном случае меры по социальной защите не могут выполнять функцию сдерживания и предотвращения классового конфликта.

Таким образом, не только налоговые ограничители влияют на *объем* государственных расходов на социальные нужды, но и *структура* государственных социальных расходов, и *организация* социальной помощи подчиняются императиву структуры взаимоотношений между формально организованными сферами действия и их социальной средой, реализуемых с помощью денег и власти.

II

В случае, если политической системе в развитых капиталистических обществах удастся преодолеть структурные трудности, встречающиеся на пути государственного вмешательства в экономику, массовой демократии и государственной системы социальной защиты, складываются *структуры позднего капитализма*, которые, с точки зрения марксистской теории (с характерным для нее экономическим подходом) должны казаться парадоксальными. Умиротворение классового конфликта в государстве с развитой системой социальной защиты происходит в условиях продолжающегося процесса накопления. При этом государственное вмешательство отнюдь не изменяет капиталистический механизм этого процесса, а, наоборот, гарантирует его. Такова социально-экономическая программа реформ, опирающаяся на совокупность средств кейнсианской модели, провозглашенная и реализуемая в западных странах, независимо от того, находится ли у власти социал-демократическое или консервативное правительство. С 1945 г. (особенно в период восстановления и наращивания уничтоженных производственных мощностей) реформизм добился беспрецедентных успехов в экономической и общественно-политической сферах.

Сформировавшиеся при этом общественные структуры нельзя, однако, рассматривать (в духе теоретиков австромарксизма, таких, как Отто Бауэр или Карл Реннер) как результат классового компромисса. В ходе институционализации классового конфликта социальные противоречия, возникающие на почве частного права распоряжаться средствами производства общественного богатства, постепенно теряют способность структурировать жизненный мир социальных групп. При этом данное противоречие по-прежнему остается основополагающим для структуры самой хозяйственной системы. Поздний капитализм по-прежнему использует относительное расхождение между системой и жизненным миром. Классовая структура, перемещенная из жизненного мира в систему, теряет свою исторически конкретную форму. Неравное распределение социальных благ теперь отражает структуру привилегий, которые нельзя больше объяснять исключительно классовым положением. Прежние источники неравенства, конечно, сохраняются. Однако их в значительной мере нейтрализуют не только государственно-благотворительные компенсации, но и новые виды неравенства. Примером могут служить различия, порождающие конфликты между маргинальными группами. Чем лучше регулируется классовый конфликт, существование которого обусловлено частнохозяйственной формой накопления, чем дольше он сохраняет латентную форму, тем в большей мере выступают на передний план проблемы, которые не ущемляют непосредственно специфические классовые интересы.

Я не хочу здесь углубляться в сложнейшую проблему того, как изменяются правила построения модели социального неравенства в период позднего капитализма. Меня больше интересует, каким образом возникает *новый тип эффекта овецствления, который не является специфически-классовым*, и почему эти эффекты (прошедшие, конечно, дифференцированный отбор и профильтрованные через сито социального неравенства) сегодня проявляются прежде всего в коммуникативно структурированных сферах действия.

Компромиссный характер государства с развитой системой социальной защиты изменяет условия четырех видов взаимодействия, существующих между системой (экономикой и государством) и жизненным миром (частной и общественной сферами), вокруг которых кристаллизуются социальные роли наемного рабочего и потребителя, клиента бюрократической общественной системы и гражданина государства (см. выше схему 1). В своей теории стоимости Маркс все внимание сконцентрировал исключительно на процессе обмена рабочей силы на заработную плату и обнаружил симптомы овеществления в сфере общественно-труда. У него перед глазами был исторически определенный тип отчуждения, который описан, например, Энгельсом в работе «Положение рабочего класса в Англии» (Энгельс, 1955). Маркс сформулировал концепцию отчуждения исходя из модели отчужденного фабричного труда на ранних стадиях процесса индустриализации. Свою модель он перенес на весь жизненный мир пролетариата. Эта концепция не делает различия между распадом традиционного и разрушением посттрадиционного жизненных миров. Она также не проводит границу между обнищанием, которое распространяется на сферу материального воспроизводства жизненного мира, и кризисами в сфере символического воспроизводства жизненного мира, то есть, говоря словами Вебера, между проблемами, возникающими в сферах внешних и внутренних потребностей. Однако по мере становления государства с развитой системой социальной защиты, этот тип отчуждения все дальше отходит на задний план.

В государстве с развитой системой социальной защиты роли, которые предлагает система занятости, являются, если можно так выразиться, общепризнанными. В рамках посттрадиционного жизненного мира структурная дифференциация между организациями становится привычной. Тяготы, связанные с самим характером наемного труда, облегчаются, по меньшей мере субъективно, если не «гуманизацией» рабочего места, то наличием денежных компенсаций или юридически оформленных гарантий. Это значительно снижает напряжение, ущерб и риск, которые связаны обычно со статусом рабочих и служащих. Роль работающего по найму теряет свои болезненно пролетарские черты благодаря непрерывному повышению жизненного уровня, хотя и дифференцированного по социальным слоям. Ограждение частной сферы от очевидных последствий действующих в мире труда императивов системы, лишило взрывной силы конфликты, которые возникают в области распределения. Только в исключительных по своей драматичности случаях они становятся актуальной темой, выходящей за пределы коллективных переговоров.

Это новое *равновесие*, установившееся между *нормализовавшейся профессиональной ролью и возросшей по своей значимости ролью потребителя*, является, как было показано, результатом деятельности государства с развитой системой социальной защиты, осуществляемой в легитимных условиях массовой демократии. Напрасно теория стоимости уделяла так мало внимания отношениям обмена между политической системой и жизненным миром. Ведь умиротворение сферы общественного труда является лишь контрагентом *равновесия*, устанавливающегося на другой стороне модели, – между возросшей и вместе с тем ставшей одновременно *нейтральной ролью гражданина и искусственно раздутой ролью клиента*. Утверждение основных политических прав в рамках массовой де-

мократии свидетельствует, с одной стороны, об универсализации гражданина, а с другой – об отделении этой роли от процесса принятия решений, в результате чего политическое участие лишается конкретного содержания. Лояльность масс и легитимность образуют сплав, содержимое которого не разлагается на составные компоненты и не может быть проанализировано самими участниками политического процесса.

За нейтрализацию роли гражданина государство с развитой системой социальной защиты тоже платит потребительными стоимостями, которые получают граждане как клиенты бюрократической системы государства всеобщего благоденствия. Клиенты – это потребители, которые пользуются преимуществами государства с развитой системой социальной защиты. При этом роль клиента делает приемлемым ставшее абстракцией, лишившееся смысла политическое участие. Роль клиента облегчает груз последствий институционализации отчужденного модуса участия, так же как роль потребителя облегчает тяжесть отчужденного труда. Именно эти роли в первую очередь аккумулируют в себе новый конфликтный потенциал позднекапиталистического общества, который приводит марксистов в раздражение. В этом отношении такие представители критической теории, как Маркузе и Адорно, составляют исключение. Однако рамки теории критики инструментального разума, в пределах которой остаются эти авторы, оказываются слишком узкими. Только с помощью теории критики функционалистского разума можно убедительно показать, почему вообще в условиях относительного компромисса, присущего государству с развитой системой социальной защиты, еще могут возникать конфликты, которые не принимают специфически-классовую форму, но все же коренятся в классовой структуре, вытесненной в системно интегрированные сферы действия. Наша весьма стилизованная модель позднекапиталистических обществ, работающая лишь с очень ограниченным кругом стимулированных предположений, предлагает следующее объяснение.

Массовая демократия, присущая государству с развитой системой социальной защиты, является устройством, которое смягчает классовый антагонизм, по-прежнему содержащийся в недрах хозяйственной системы. Но это возможно лишь при условии, предполагающем, что капиталистическая динамика экономического развития, защищенная политикой государственного вмешательства, не ослабевает. Ибо только в этом случае появляются средства для выплаты социальных компенсаций, которые распределяются согласно неявным критериям через институционализированный механизм участия различных социальных групп в дележе этих средств. Только тогда появляется возможность так распределять эти средства, удовлетворяя одновременно ролевые функции потребителя и клиента, что структуры отчужденного труда и отчужденного политического участия не проявляют своей взрывной силы. Динамика развития хозяйственной системы, опирающаяся на политические меры, обеспечивает более или менее стабильный процесс усложнения системы, что означает как *расширение*, так и внутреннее *уплотнение* формально организованных сфер действия. Это относится прежде всего к отношениям, складывающимся внутри подсистем экономики и общественного управления, а также к связям подсистем между собой. Такое внутреннее развитие объясняет не только процессы концентрации на рынках товаров, капитала и труда, тенденцию к централизации

управления предприятиями и учреждениями, но также расширение функций и сфер государственной деятельности (что выражается, например, в соответствующем увеличении государственного бюджета).

В то же время рост всего этого комплекса затрагивает отношения обмена, складывающиеся между указанными подсистемами и теми сферами жизненного мира, которые по отношению к системе выступают в качестве внешней среды. В первую очередь это относится к домохозяйствам, сориентированным на систему массового потребления, а также к клиентельным отношениям, связанным с бюрократическим регулированием жизненного мира.

Согласно предпосылкам нашей модели, именно по этим двум каналам поступают компенсации, которые государство с развитой системой социальной защиты использует для обеспечения мира в сфере общественного труда и блокирования участия в процессах принятия политических решений. Если не принимать во внимание вызываемые кризисами нарушения равновесия, которые транслируются в жизненный мир в административных формах, то можно сказать, что капиталистический рост вызывает конфликты в жизненном мире, прежде всего вследствие расширения и внутреннего уплотнения монетарно-бюрократического комплекса. Конфликты возникают *прежде всего* там, где роли потребителя и клиента изменяют социальный контекст жизни, ассимилируя его с системно интегрированными сферами действия. Эти процессы всегда были составной частью процесса капиталистической модернизации; исторически они успешно преодолевали защитные барьеры затрагиваемых ими сфер в тех случаях, когда речь шла о перемещении материального воспроизводства жизненного мира в формально организованные сферы действия. Но когда под угрозой оказываются функции символического воспроизводства жизненного мира, он оказывает упорное сопротивление, и успешно удерживает линию фронта между собой и системой.

III

Прежде чем углубиться в эмпирические проблемы, придется восстановить прерванную ранее цепь рассуждений. Я истолковал тезис Макса Вебера о потере свободы в том смысле, что речь идет о систематически индуцированном овеществлении коммуникативно структурированных сфер действия; затем, используя метод критического анализа теоретико-ценностного подхода, я предложил гипотезы, которые могут объяснить, почему вообще в развитых капиталистических обществах все еще существуют тенденции к овеществлению, хотя бы и в видоизменной форме. Но как увязать второй культурно-критический постулат Макса Вебера, касающийся распада религиозно-метафизического мировоззрения и феномена потери смысла, с принятием тезиса Маркса? У Маркса и Лукача теория овеществления дополняется и подкрепляется теорией классового сознания. Ее критический пафос отличается идеологическим характером, и направлен против господствующих форм сознания. Одновременно она обосновывает право другой стороны выработать собственное мировоззрение. Однако в условиях, когда социальное государство сгладило остроту классовых противоречий, перед лицом растущей анонимности классовых структур, теория классового сознания не находит эмпирического подтверждения. К обществу, в котором все труднее

выделить специфически классовые миры, она уже неприменима. Поэтому Хоркхаймер и его единомышленники выдвинули вместо нее *теорию массовой культуры*.

Маркс разработал свое диалектическое понимание идеологии на примере буржуазной культуры XVIII в. Идеалы самосозидания, нашедшие свое классическое выражение в науке и философии, естественном праве и политической экономии, искусстве и литературе, не только вошли как в самосознание, так и в частную жизнь буржуазии и обуржуазившегося дворянства, но и воплотились в принципах государственного устройства. Маркс постиг амбивалентное содержание буржуазной культуры. С одной стороны, в своих претензиях на независимость и научность, индивидуальную свободу и универсализм, на романтическое радикальное самовыражение она представляет собой результат рационализации культуры. Лишенная прикрития, которое обеспечивают авторитет и традиция, она стала открытой для критики и самокритики. С другой стороны, нормативное содержание ее абстрактных и внеисторичных, выходящих за пределы социальной реальности идей может служить руководством не только для критически преобразующей практики, но и для утверждения идеалистических построений в реальной действительности. Этот двойственный характер буржуазной культуры – утопический и идеологический одновременно – от Маркса до Маркузе снова и снова становился объектом изучения². Такое описание как раз соответствует тем структурам сознания, появление которых обуславливают современные формы понимания.

«Современную форму понимания» мы определили как структуру коммуникации, которая в сферах мирской деятельности характеризуется неоднозначно. С одной стороны, коммуникативные действия сильнее отрываются от нормативного контекста и в основном концентрируются в сфере непредсказуемых ситуаций. С другой стороны, формы аргументации различаются в зависимости от институтов, а именно: теоретический дискурс – в научном учреждении, морально-практический – в общественно-политической сфере и правовой системе, наконец, эстетический критицизм – в литературе и искусстве. В начальной стадии современного периода область сакрального еще полностью не исчезла; в секуляризированной форме она сохранялась в еще не лишившемся ауры созерцания произведений искусства, в переходных формах еще не вполне светской буржуазной культуры, в религиозных и философских традициях. Но по мере того, как этот островок сакрального сужается, выявляется также синдром «претензий на значимость», становится заметной «потеря смысла», так занимавшая Вебера. Исчезает различие в степени рациональности, которое всегда существовало между областями сакрального и мирского. Потенциал рациональности, высвобождаемый в области быденной жизни, до того времени ограничивался и нейтрализовался мировоззрением. С точки зрения структурного подхода, мировоззрения отличались более низким уровнем рациональности по сравнению с повседневно-бытовым сознанием, но в то же время они были лучше проработаны и артикулированы интеллектуально. Более того, мифические или религиозные взгляды на мир столь глубоко укоренились в практике совершения ритуалов и отправления культов, что мотивы и ценностные

² Об аффирмативном характере культуры см.: Markuse, 1969; 1973; 1979, S.186ff; Habermas, 1981, S.253ff.

ориентации, ненасильственно сформированные в коллективных убеждениях, были защищены от влияния противоречащего им опыта и рационализма повседневной жизни. В результате секуляризации буржуазной культуры положение меняется. Исчезает иррациональная, свято сохранявшаяся связующая сила, ограничивавшая рационализм сферой повседневной жизни. Испаряется субстанция фундаментальных убеждений, освященных культурой и не требовавших обоснования.

На основании логики процесса рационализации культуры можно определить тот пункт, в направлении которого происходит развитие модерна в культуре: с ликвидацией разницы в уровне рационализма между сферой мирского поведения и решительно утратившей свое очарование культурой, последняя лишается тех свойств, благодаря которым она была в состоянии выполнять идеологические функции.

Правда, этого состояния, которое Дэниэл Белл охарактеризовал как «Конец идеологии», приходится долго ждать. Французская революция, которая совершалась под знаменем буржуазных идеалов, ознаменовала начало эпохи массовых движений, вдохновленных идеологией. *Классические буржуазные освободительные движения*, с одной стороны, вызвали *традиционалистскую реакцию*, в которой проявлялось стремление вернуться к прочным устоям добуржуазного времени. С другой стороны, возник и комплекс разнородных *идеологических доктрин, характерных для нового времени*. Спектр этих научных, а по большей части псевдонаучных воззрений весьма широк – от анархизма, коммунизма и социализма через синдикалистские, радикально-демократические и консервативно-революционные ориентации до фашизма и национал-социализма. Таково *второе поколение идеологий*, возникших на почве *буржуазного общества*. При всех различиях в уровне формализации и способности к синтезированию, у них есть нечто общее: в отличие от классических буржуазных идеологий, эти мировоззрения, уходящие своими корнями в XIX в., разработали специфически современные представления об экспроприации и отчуждении, то есть о тяготах, которые были привнесены в жизненный мир в результате социальной модернизации. Эта тенденция проявилась, например, в прожектах морального или эстетического обновления общественно-политической сферы, возрождения политики, свободной от монополии бюрократического аппарата. Тенденция к морализированию находит свое выражение в идеалах автономии и участия, преобладающих в основном в радикально-демократических и социалистических движениях. Тенденция эстетизации проявляется в потребности экспрессивного самовыражения и аутентичности; она может преобладать как в авторитарных движениях (фашизм), так и в антиавторитарных (анархизм). Обе тенденции созвучны с современностью в той мере, в какой они не превращаются в метафизические или религиозные мировоззрения, ориентированные на «спасение» моральных или экспрессивных проявлений жизни, которые подавляются или которыми пренебрегают в условиях капиталистической модернизации. В процессе модернизации они пытаются реализоваться на практике в новых формах жизни того или иного революционного общества.

Несмотря на различия в *содержании*, эти мировоззрения разделяют с идеологиями первого поколения – «отпрысками» рационального естественного права, утилитаризма, буржуазной социальной философии и философии истории – еще и *форму* целостных представлений о миро-

вом порядке, которые характерны для политического сознания соратников по борьбе. Тем не менее именно эта форма способного к интеграции и глобального *общего толкования, спроецированного под углом зрения жизненного мира, должна распасться в коммуникационной структуре развитого современного общества.*

Когда угасает ответ ауры сакрального, исчезает синтезирующая образ мира власть воображения, – то форма понимания, основанная на силе аргументов, становится столь прозрачной, что повседневная практика коммуникации не оставляет больше никакой ниши для господства идеологических структур. Императивы ставших самостоятельными подсистем должны тогда оказывать *заметное* влияние извне на социально интегрированные сферы действия. Они не могут более скрываться за различием в уровне рациональности между сакральной и мирской сферами и незаметно воздействовать на ориентации поведения, вовлекая жизненный мир в интуитивные, недоступные пониманию функциональные взаимосвязи.

Если, однако, структуры рационализованного жизненного мира все больше утрачивают возможности для формирования идеологии, если становится дальше невозможно пренебрегать фактами, свидетельствующими в пользу инструментализации жизненного мира, то следует ожидать, что возникнет открытая конкуренция между формами системной и социальной интеграции. Однако опыт позднекапиталистических обществ «социально-государственного умиротворения» не подтверждает этого предположения. Очевидно, что они нашли какой-то функциональный заменитель идеологических построений. На место позитивной задачи удовлетворения определенной потребности в идеологическом обосновании выдвинулось негативное требование подавить в зародыше любые попытки создать целостную идеологическую интерпретацию. Жизненный мир всегда конституируется в форме глобального знания, intersubjectively разделенного между членами общества. Таким образом, приемлемой заменой отсутствующих ныне идеологий может быть попросту то обстоятельство, что повседневные знания, появляющиеся в целостной форме, остаются рассеянными или, по крайней мере, никогда не достигают такого уровня артикуляции, когда только одно знание может быть принято как имеющее силу в соответствии со стандартами современной культуры. Происходит ограбление *повседневного сознания*, оно лишается своей способности к синтезированию, становится *фрагментированным*.

Что-то подобное и происходит в действительности. Характерная для западного рационализма дифференциация науки, морали и искусства не только приводит к их обособленному существованию как отдельных сфер, разрабатываемых специалистами, но и к их отделению от *самобытно* развивающегося в процессе повседневной практики потока традиций. Этот раскол снова и снова заявляет о себе как проблема. Попытки упразднить «философию» и искусство были бунтом против структур, которые подчинили повседневное сознание стандартам эксклюзивных экспертных культур, творимых специалистами, развивающихся в соответствии со своей собственной логикой и недоступных широким массам³.

³ Непосредственному жесткому воздействию экспертов на повседневность и технократическому внедрению научного подхода в практику соответствует тенденция депрофессионализации, которую У.Остерман пытается объяснить с помощью претенциозной (представленной лишь в устной форме) теории.

Повседневное сознание, отосланное к традициям, претензии которых на значимость уже отвергнуты, оказывается вне сферы влияния традиционализма и пребывает в состоянии безнадежного распада. Место «ложного» занимает «фрагментированное» сознание, которое препятствует просвещению с помощью механизма овеществления. Только таким образом выполняются условия *колонизации жизненного мира*: императивы автономных подсистем, сбросив идеологические покровы, завоевывают, подобно колонизаторам, пришедшим в первобытное общество, жизненный мир извне и навязывают ему процесс ассимиляции. При этом рассеянные осколки культуры периферии не складываются в целостную картину, позволяющую ясно представить сущность игры, в которой участвуют метрополии и мировой рынок.

Таким образом, теория позднекапиталистического овеществления, переформулированная в терминах системы и жизненного мира, должна быть дополнена анализом культурного модерна, который идет на смену устаревшей теории классового сознания. Вместо того чтобы заниматься критикой идеологии, этот анализ должен объяснить культурное обнищание и фрагментацию повседневного сознания. Вместо того чтобы гнаться по теряющемуся следу революционного сознания, он должен исследовать условия воссоединения рационализированной культуры и повседневной коммуникации, зависящей от жизненно важных традиций.

ЛИТЕРАТУРА

- Энгельс Ф.** Положение рабочего класса в Англии. В: К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., 2-е изд., 1955, Т.2, с.231–517.
- Edelmann M.** The Symbolic Use of Politics. Urbana, 1964.
- Habermas J.** Legitimationsprobleme im modern Staat. In: J.Habermas. Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus. Frankfurt a.M., 1976.
- Habermas J.** Über Kunst und Revolution. In: J.Habermas. Philosophisch-politische Profile. Erw.Ausgabe, 1981.
- Luhmann N.** Öffentliche Meinung. In: N.Luhmann. Politische Planung. Opladen, 1971.
- Markuse H.** Versuch über Befreiung. Frankfurt a.M., 1969.
- Markuse H.** Konterrevolution und Revolte. Frankfurt a.M., 1973.
- Markuse H.** Über den affirmativeven Charakter der Kultur. Ges. Schriften, Bd. 3., Frankfurt a.M., 1979.
- Narr W.D. und Offe C.** Wohlfahrtsstaat und Massenloyalität. Köln, 1975.
- Offe C.** Strukturprobleme des kapitalistischen Staates. Frankfurt a.M., 1972.
- Offe C.** Unregierbarkeit. In: J.Habermas. Stichworte zur geistigen Situation der Zeit. Frankfurt a.M., 1979.
- Sears D.O. et al.** Self-Interest vs. Symbolic Politics // American Political Science Review, 1980, v.74, p.670ff.